

фии Калмыкии. Вызывает, например, удивление, почему не использованы работы У. Э. Эрдниева о калмыцких «родах», анги, арванах, его материалы по калмыцкой этнонимии. Следует осторожнее пользоваться такими терминами, как «развитой кочевой феодализм», «патриархально-феодалная верхушка», «родоплеменное деление» и т. д.

Сборник завершается работами, посвященными проблемам расселения ойратов и калмыков. И. В. Борисенко в статье «К истории образования и происхождения беляевской группы донских калмыков» проследил историю формирования одной из групп калмыков, в этнониме которых сохранилось наименование первого их поселения — местечка Беляево в устье р. Самары. Автор правильно связал места поселения крещеных калмыков с южными границами Российского государства: правительство привлекало их для несения пограничной службы (с. 86). Нужно отметить, что этнический состав беляевцев проанализирован И. В. Борисенко по материалам более позднего времени. Это не позволяет точно указать время их выделения, определить их принадлежность к конкретному этническому подразделению приволжских калмыков.

В статье К. П. Шовунова «Терское поселение калмыков» идет речь о расселении крещеных калмыков по р. Терек. Автор подробно охарактеризовал социально-экономическое положение терских (моздокских) калмыков и пришел к выводу, что «определяющее влияние» на жизнь терских калмыков «оказали тесные контакты с русскими казаками и официальная правительственная политика по переводу их к оседлости» (с. 101). Попутно автор делает любопытные замечания об отношении крещеных калмыков к чуждой для них религии, утверждая, что сам процесс крещения служил для них «юридическим заслоном от посягательства более сильной кочевой знати» (с. 94). Однако причины возникновения поселений крещеных калмыков типа Терского в статье недостаточно аргументированы. Следует также разъяснить выражение «владельцы родов» (с. 93), уточнить время принятия закона, разрешавшего калмыкам казенных улугов вступить в сословие казаков Астраханского и Кавказского казачьих войск (с. 100).

Г. К. Конкашпаев в статье «Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана» предпринял попытку проанализировать ряд фактов этнической истории групп ойратов, живших в Казахстане с конца XVI до середины XVIII в. Автор обратил внимание на многочисленные топонимы монгольского происхождения на этой территории, привел некоторые неизвестные сведения о политических взаимоотношениях казахов и ойратов. Разработка данной темы только начинается.

В целом выход в свет рецензируемого сборника следует оценить положительно, как попытку решения сложных и многоплановых проблем этногенеза и этнической истории калмыцкого народа. Хочется надеяться, что данный сборник не окажется единственным.

А. И. Карагодин

Д. Г. Савинов. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984, 175 с.

Труды, посвященные этнокультурной истории Южной Сибири в средние века, когда были заложены основы последующего этнического развития народов этого обширного региона, имеют уже большую историографическую и историкоэтнографическую традицию. Тема, пожалуй, в равной степени привлекает внимание археологов, этнографов и филологов. Однако многие вопросы этой важной проблемы, в особенности связанные с формированием древнетюркских этносов и их культуры, остаются еще недостаточно изученными. Поэтому нельзя не приветствовать издание рецензируемой книги. Она сравнительно невелика по объему — около 12 авторских листов, но насыщена большим фактическим материалом, содержит много новых интересных, хотя в некоторых случаях и спорных положений об этнокультурной истории южносибирских народов в средние века. В основе монографии — археологические и письменные источники. Среди последних, к сожалению, лишь в небольшой мере использованы автохтонные источники — тюркские рунические памятники Южной Сибири. Известно, что енисейские и алтайские рунические тексты по сравнению с памятниками Монголии обычно в меньшей степени привлекаются в качестве исторического источника. Это объясняется тем, что они содержат сравнительно краткие эпиграфические тексты, изобилующие лакунами, имеют часто различные варианты чтения, что затрудняет порой их использование при разработке этнокультурных проблем. Однако анализ этнонимов, встречающихся в рунических текстах, попытка их историкогеографической привязки могли бы, на наш взгляд, дать дополнительный материал для аргументации ряда положений, выдвигаемых в монографии.

Почти каждый раздел работы Д. Г. Савинова включает обзор сведений и исследований по теме в целом и отдельным дискуссионным вопросам почти за столетний период. Взгляды предшественников излагаются в лаконичной форме, хотя в ряде случаев их, по нашему мнению, можно было бы дать более развернуто. Это относится прежде всего к отдельным разделам главы о сложении прототюркского субстрата, анализу

древнетюркских генеалогических преданий и характеристике процессов тюркизации южносибирских этносов в последней главе монографии.

Материалы в книге излагаются в хронологической последовательности, с учетом существующей преемственности культурной традиции. Исследование начинается с характеристики прототюркского субстрата в Южной Сибири, предшествующего появлению на политической арене тюркских государственных образований. Основное внимание при этом уделено этноисторическим процессам «раннетюркского времени». Именно в связи с анализом указанных процессов в исследовании приводятся сообщения письменных источников, которые критически оценены автором монографии и, подтвержденные археологическим материалом, положены в основу заключений книги. Комплексный подход позволил Д. Г. Савинову сделать интересные выводы по таким спорным проблемам, как соотношение археологических данных и письменных свидетельств в династической хронике Таншу о погребальном обряде тюрков-туогу, семантика каменных изваяний и по ряду других. Нельзя не согласиться и с его заключением, что многие общие черты в различных сферах жизни енисейских кыргызов и древних тюрков не могут быть объяснены одними только культурными заимствованиями, а свидетельствуют также о существовании общей субстратной основы раннекыргызской и раннетюркской культур, закреплённой в древнетюркских генеалогических преданиях идеей родства между представителями правящей династии Ашина и одним из братьев легендарного Нодулу-шада, основавшим на Енисее раннекыргызское владение Цигу (с. 47).

Вместе с тем при разработке широкого круга нередко дискуссионных вопросов, рассматриваемых в книге, неизбежна спорность отдельных положений и выводов. К таковым прежде всего относится определение понятия «древнетюркская эпоха», ее хронологических рамок. Д. Г. Савинов пишет: «По нашему мнению, древнетюркская эпоха — многовековой период в истории народов алтайской языковой семьи, так или иначе связанных с тюркским этногенезом и культурогенезом, игравшими определенную роль в развитии южносибирских обществ...» (с. 5) и предлагает следующую ее периодизацию: раннетюркское время (V — середина VI в. н. э.); тюркское время (середина VI — середина IX в. н. э.), позднетюркское время (середина IX — конец X в. н. э.) (с. 6). Далее автор подчеркивает, что образование древнетюркских государственных объединений явилось закономерным результатом сложных этносоциальных и этнокультурных процессов, действовавших на протяжении всего I тыс. н. э., и поэтому, по его мнению, правомерна и несколько иная трактовка поставленной темы — этнокультурная история народов Южной Сибири в I тыс. н. э. (с. 7). Факт выделения древнетюркской эпохи в истории народов как Южной Сибири, так и Центральной и Средней Азии признается ныне большинством исследователей, однако предлагаемый автором ее начальный этап, который он относит в Южной Сибири ко времени переселения на Алтай тюрков Ашина в середине V в., вряд ли может быть безоговорочно принят. Ведь до середины VI в. тюрки не играли какой-либо существенной роли за пределами территорий, занятых ими на Алтае и в Минусинской котловине. Лишь с возникновением Первого тюркского каганата (552 г.) происходит не только выход на политическую арену тюрков-туогу, но и их широкое расселение, распространение тюркского языка и культуры, начинаются процессы «тюркизации», в которые с этого времени вовлекаются почти все нетюркские (кето-язычные, самодийско-язычные и др.) племена горно-степных и таежных районов Южной Сибири. Вряд ли можно ставить знак равенства между началом этнической истории древних тюрков в этом регионе и началом эпохи их политического, экономического и культурного лидерства. Думается, что и завершить эту эпоху в X в., как предлагает автор, также не вполне правомерно. Завершается она, думаем, походом в Южную Сибирь войск Чингиз-хана под предводительством Джучи в начале XIII в., приведшим к падению государства енисейских кыргызов и кем-кемджиутов (средневековые предки тувинцев). И, хотя процессы дальнейшего этнического развития тюркских этносов не были прерваны, но все-таки ряд ведущих тенденций социально-экономического, этнического и культурного развития, характерных для древнетюркской эпохи, в результате монгольской экспансии прервался. Что же касается этнической истории древнетюркских народов Южной Сибири, то она имеет иную периодизацию. Ее начало (рубеж н. э.) связано с проникновением в это время в регион племен гянь-гуней (тюркоязычных предков енисейских кыргызов), а завершение — с формированием к концу I тыс. основных тюркоязычных этносов — предков современных народов Южной Сибири, т. е. как справедливо считает автор рецензируемой книги, охватывает все первое тысячелетие.

Значительный интерес представляет и рассматриваемая автором проблема этнокультурного развития тюркских этносов в Южной Сибири, их генетической связи с абригенными субстратными этносами. В частности, он обоснованно отмечает, что в культуре населения, оставившего знаменитые пазырыкские курганы Горного Алтая, можно проследить ряд особенностей, характерных в последующем для культуры древних тюрков, и относит их к выделяемому им особому древнетюркскому культурному комплексу (с. 11). Этот комплекс автор позднее в этой же книге именует уже не культурным, а предметным комплексом (с. 124), что не адекватно. Если общность языков древнетюркских народов и дает основание говорить о специфической культурной общности, отличающей их в этом отношении от нетюркских народов и имеющей только ей присущие черты, то утверждение о наличии специфического предметного комплекса, общего для древнетюркских этносов, нуждается в более полной аргументации и анализе не только серебряных сосудов, наборов оружия и упряжи, проведенного в рецензируемой книге, но и утвари, одежды и украшений, жилища и некоторых других форм материальной культуры, в которых с наибольшей полнотой проявляются этнические традиции в «предметной» сфере.

Среди частных замечаний хотелось бы отметить, что трудно согласиться с А. Г. Савиновым, который вслед за А. Д. Грачом называет «кокэльской культурой» культуру местных племен Тувы гунно-сарматского времени. В свое время один из авторов данной рецензии при создании первой археологической периодизации Тувы назвал эту культуру сыынчюрекской¹, по наиболее характерному памятнику, изученному им в Туве еще в середине 50-х годов. Раскопанный позднее (С. И. Вайнштейном совместно с В. П. Дьяконовой) могильник Кокэль дал значительно более яркие и полные материалы, но, следуя сложившейся традиции приоритета первых наименований отдельных культур, нет оснований отказываться от первоначального названия, данного этой культуре.

Не останавливаясь на других положениях рецензируемой книги, отражающих определенный итог накопления и осмысления новых источников по археологии Южной Сибири I тыс. н. э., мы хотим в заключение подчеркнуть ее несомненное значение для разработки ключевых проблем этнокультурной истории тюркоязычных народов нашей страны.

С. И. Вайнштейн, Д. Д. Васильев

¹ См. Вайнштейн С. И. Тува в период разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества. // История Тувы, т. I. М., 1964, с. 382, примеч. 21.